

Стиснув зубы, Цин Чжу, едва сдерживая слёзы, чуть не рухнула на колени. Она смотрела на Цзян Чжунсюэ, и в голосе её звучало почти мольба отчаяния:

— Я правда ничего не видела, ничего не слышала!

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё неумолимо, лицо становилось всё мрачнее:

— Жизнь или глаза?

Глаза или жизнь?

Цин Чжу смотрела на неё, и неопикуемый страх расплзался по душе. Она стояла на месте, не отрывая глаз от Цзян Чжунсюэ, и в глазах её читался неподдельный ужас.

Цзян Чжунсюэ, видя, что та уже всё для себя решила, больше не говорила, лишь слегка, безразлично кивнула:

— Поняла.

Цин Чжу от страха чуть не подкосились ноги, слёзы готовы были хлынуть из глаз. Но после первоначального шока её охватила готовность к обороне, будто перед лицом смертельного врага, и она сгорбилась.

В грохоте собственного сердцебиения Цин Чжу почувствовала прилив крови к голове, и в ней даже мелькнула мысль — сразиться с этой женщиной насмерть.

Глаза были её орудием, её хлебом. Она не могла их потерять! И уж тем более не могла просто ждать, пока Цзян Чжунсюэ заберёт её жизнь!

Луна светила тускло, вокруг стелился белый туман.

Дул леденящий ветер.

Цинь Чаншэн сидела на земле, подперев голову рукой и развалив ноги. Фонарь лежал рядом, его белый свет выхватывал половину её фигуры, вырисовывая в ночи слегка хрупкий силуэт.

Она устроилась на камне, подстелив простую чёрную ткань. Вокруг было холодно, темно, лунный свет бледен. Она сидела, покачиваясь из стороны в сторону, точно бес в неё вселился.

Цзян Чжунсюэ раздвинула ветви и вышла из чащи. Низкорослые колючие кусты с короткими острыми шипами царапали её кожу, не оставляя ни малейшего следа.

Словно скользили по безжизненному камню.

Она вышла со спины Цинь Чаншэн. В тот миг, когда её нога ступила из кустов, Цинь Чаншэн сидела на земле, обхватив одно колено, а другой рукой придерживая ухо, слегка покачиваясь и что-то бормоча про себя.

Цзян Чжунсюэ, увидев это, нахмурилась, и первая мысль была — одержимость. Она быстро подошла к Цинь Чаншэн и увидела, что та держит в руке телефон, в волосах запутался белый провод наушников, а сама она тихонько подпевала:

— Люди, как луна в небе, недостижимы... Любовь, как отзвучавшая мелодия, оставляет лишь тоску о невозвратном...

Выражение лица было очень вдохновенным.

В этой глухомани, среди тёмных гор, где ветер воеет, а Лютые призраки рыщут, она, пока Цзян Чжунсюэ ушла за кем-то, умудрилась устроиться здесь послушать музыку. Цинь Чаншэн и впрямь была бесстрашной.

Цзян Чжунсюэ не совсем понимала, что та поёт, но поняла главное — с Цинь Чаншэн всё в порядке. Та, увидев, как Цзян Чжунсюэ стремительно появилась, замерла, торопливо сдернула наушники и, приняв серьёзный вид, спросила:

— Всё нормально?

Поймав взгляд Цзян Чжунсюэ на проводах, Цинь Чаншэн смущённо хихикнула, убрала их и стала оправдываться:

— Я думала, ты надолго, вот и решила посидеть, телефон потыкать, музыку послушать. Не ожидала, что так быстро вернёшься. Ну что... разобралась?

Цзян Чжунсюэ, убедившись, что с ней всё в порядке, почувствовала необъяснимое облегчение, и голос её смягчился:

— Всё в порядке. Разобралась.

Тут же она заметила, что тон её был слишком мягким, лицо её изменилось, взгляд вновь стал холодным, и она лишь тихо сказала:

— Пошли.

Цинь Чаншэн кивнула, поднялась и покорно зашагала за Цзян Чжунсюэ. Вокруг лежал иней, подступающие тени склонялись к её уху, и неслышный для других шёпот превращался в ночи в бесконечный ледяной ветер.

Выражение лица Цинь Чаншэн оставалось таким же спокойным, как прежде. Под порывами холодного ветра силуэт Цзян Чжунсюэ впереди казался колеблющимся призраком, белая футболка её колыхалась в окружающей тьме, густой, как туман.

Впереди была долгая дорога, ночь стояла холодная, лес вокруг покрылся инеем, и мороз пробирал до костей. Цинь Чаншэн достала из рюкзака длинную рубашку и накинула поверх.

В рюкзаке была ещё одна рубашка, но Цинь Чаншэн не собиралась её доставать. Она приготовила её изначально для Цзян Чжунсюэ — всё-таки спутники, в пути надо помогать друг другу. Но теперь эта мысль полностью угасла. Цзян Чжунсюэ была не из её круга, и не стоило больше связываться с этой загадочной и странной личностью.

Шли они долго, через горы и реки. Цинь Чаншэн, включив фонарь, шагала позади Цзян Чжунсюэ. Ночью бодрости куда меньше, чем днём, и она начала клевать носом.

Цзян Чжунсюэ уже это заметила.

Но в этом лесу было слишком беспокойно. Видя, как Цинь Чаншэн зеваёт на ходу, она промолчала. Цинь Чаншэн по дороге рассказала ей, какую информацию выдала Соколиный Глаз Цин Чжу, и вкратце упомянула кое-что о Юй Инь.

В телефоне Цинь Чаншэн было сохранено всего три номера: брата Цинь Шифэна, номер,

которым при жизни пользовался дед, и номер матери Юй Инь.

Каждый раз, отправляясь на задание, она брала новую личность и новый номер. Раньше в телефоне был и номер Сюй Цзин, но, подумав, Цинь Чаншэн только что его стёрла.

Всё, что связано с Сюй Цзин, осталось в прошлом. Чем меньше посторонних будет впутано, тем лучше.

Дела семьи Цинь вёл брат Цинь Шифэн, и, кроме некоторых дальних родственников, ему почти не на кого было положиться.

Родители были людьми со стороны, их нельзя было втягивать в этот запутанный водоворот проклятий.

С тех пор как два года назад дед исчез в горах Куньлунь, его номер какое-то время не использовался, а потом был передан другому человеку. Но Цинь Чаншэн всё ещё не удалила его. Иногда, когда она тосковала по деду, она набирала этот номер. На том конце провода был молодой мужчина, выслушав её историю, он вежливо объяснял, что номер сменил владельца, но из доброты разрешал ей звонить и просто поболтать.

Но Цинь Чаншэн больше не звонила.

Кто бы ни был на том конце — мужчина или женщина, добрый или злой, — это уже не был её дед. Тот, кто получил дедов номер, однажды доброжелательно с ней поговорил, и этого было достаточно.

А последний номер, матери Юй Инь, был сохранён потому, что именно она и была заказчицей этого задания.

Это задание принял Цинь Шифэн, и в какой-то мере оно было подготовкой к тому, чтобы Цинь Чаншэн вышла из тени. Они хотели отправиться в горы Куньлунь, но для этого требовались средства, ресурсы и люди.

Мать Юй Инь была высокопоставленным чиновником провинциального уровня, а отец — успешным предпринимателем. Девушка, высокая и красивая, да ещё с такой поддержкой семьи, была, можно сказать, всеобщей любимицей в университете.

Учёба у Юй Инь шла не очень. Мать её, женщина властная, планировала пристроить её в какой-нибудь вуз, отучиться четыре года, а потом отправить за границу для продолжения образования.

В университете Юй Инь была в центре внимания, настоящая королева кампуса. Но в обычной жизни она вела себя скромно, непритязательно, и, в отличие от некоторых девушек, у неё было немало друзей.

В её комнате в общежитии жила девушка из очень бедной семьи — Юй Минмин. Та была полноватой, лицо в шрамах от прыщей, и оттого страшно комплексовала. Юй Инь и она были как небо и земля: одна — роскошная королева кампуса, другая — бедная и некрасивая полная девушка. Но, что удивительно, Юй Инь всегда относилась к Юй Минмин с особой добротой, часто брала её с собой гулять, и со стороны они казались близкими подругами.

А та девушка, что пропала в горах Цзи и была найдена мёртвой в канализации, и была Юй Минмин.

После этого случая характер Юй Инь полностью изменился. Семья Юй отказалась от планов отправлять её за границу. Они не могли понять, что произошло с дочерью, и в итоге обратились к семье Цинь.

Цинь Чаншэн видела её однажды.

Перед тем как взяться за задание выяснить причину перемены в Юй Инь, Цинь Чаншэн ненадолго заехала в их загородный дом. Мать Юй Инь, в туфлях на толстом каблуке, цокала по мраморному полу, фигура её была изящна, кожа ухожена, а лицо выражало надменность и властность, будто она всегда и всем отдавала приказы.

<http://bllate.org/book/16269/1464137>